

УДК 808.56
DOI 10.17223/18137083/55/19

З. В. Черных

Томский государственный университет

Композиционные элементы конфликтных эпизодов в студенческой коммуникации

На материале записей устной спонтанной студенческой речи анализируется композиция конфликтных эпизодов. Рассматриваются основные составляющие конфликтного эпизода: предконфликтный период, начало конфликта, открытое противодействие, окончание конфликта, постконфликт. Выявляется специфика каждого из этапов речевого конфликта – их функций, используемых коммуникантами языковых тактик, вербальных и невербальных речевых средств. Анализ показал, что конфликтная коммуникация студентов отличается достаточно широким набором конструктивных способов предотвращения или гашения конфликта и в то же время преобладанием деструктивного речевого взаимодействия. Вследствие невысокого уровня речевой культуры и недостаточного владения навыками эффективной коммуникации в данной социолингвистической группе типичным результатом конфликтного общения является не достижение договоренности сторон, а различные формы откладывания или прерывания конфликта с тем, чтобы исключить его дальнейшую эскалацию.

Ключевые слова: речевой конфликт, этапы речевого конфликта, языковая тактика, языковая стратегия, студенческая речь.

Современная политическая и социальная ситуация в мире остро ставит проблему конструктивного разрешения конфликтов на различных уровнях. В связи с этим в последнее время исследования конфликта входят в число актуальных в таких областях науки, как психология, политология, социология и лингвистика.

Пристальное изучение вербального выражения конфликта отечественными лингвистами начинается в 90-е гг. XX в., когда в языковедении выделяется особый раздел – юридическая лингвистика (А. Н. Баранов, Н. Д. Голев, М. Ф. Горбаневский, О. В. Матвеева и др.). В последнее время появился и ряд собственно лингвистических работ, посвященных комплексному изучению конфликта (А. Т. Анисимова, Н. А. Белоус, И. И. Гулакова, О. А. Даниленко, В. О. Мулькеева, И. В. Певнева, П. А. Рудов, К. Ф. Седов, В. С. Третьякова, Е. О. Чапаева

Черных Зоя Васильевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; mylove-schumacher@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© З. В. Черных, 2016

и др.). Учеными определено понятие речевого конфликта, выявлены используемые в нем стратегии и тактики и соотносимые с ними вербальные и невербальные средства конфликта. Вместе с тем недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с реализацией коммуникативной категории конфликта в различных типах дискурса, для различных социолингвистических групп. Речь студенчества как значимой возрастной и социальной группы социума, все чаще привлекающая внимание лингвистов (А. Ю. Ларионова, С. В. Леорда, И. В. Пономаренко, М. Р. Шелховская и др.), с позиций лингвоконфликтологии до сих пор не рассматривалась.

Под **речевым конфликтом** (РК) в данной работе понимается столкновение двух сторон с использованием разнообразных речевых стратегий и тактик, направленных на конфронтацию или кооперацию с собеседником и реализуемых при помощи различных вербальных и невербальных средств. Категория РК в конкретном речевом взаимодействии реализуется в **конфликтном эпизоде** – ситуации коммуникативного взаимодействия участников конфликта, в ходе которого происходит речевое выражение возникших между собеседниками противоречий. Статья посвящена анализу композиции конфликтных эпизодов как одному из аспектов исследования РК в студенческой коммуникации.

Материалом исследования послужил 171 эпизод записей устной спонтанной речи студентов в ситуации РК. Основная масса эпизодов была собрана путем скрытого наблюдения. В качестве информантов были задействованы студенты гуманитарных и технических факультетов вузов Томска (ТГУ, ТУСУР) возрастом от 17 до 25 лет, обоих полов.

В работах психологов [Гришина, 2008; Анцупов, Шипилов, 2009] и лингвистов [Третьякова, 2003; Гулакова, 2004; Мулькеева, 2005; Белоус, 2008; Болохонцева, 2011] предлагаются во многом сходные классификации составляющих конфликтного взаимодействия. За основу анализа конфликтных эпизодов студенческой коммуникации взята типология Анцупова – Шипилова как наиболее детальная. Авторы выделяют в структуре конфликта предконфликт, или латентный период, начало конфликта, эскалацию, окончание конфликта и послеконфликтный период [Анцупов, Шипилов, 2009, с. 245–248]. Эта общая классификация конфликта была рассмотрена в лингвистическом аспекте с учетом изучаемого материала.

Различные композиционные части конфликтного эпизода выполняют особые функции, отличаются по составу используемых участниками коммуникации речевых тактик и языковых средств.

Предконфликтный этап (или **предконфликт**) является речевым взаимодействием сторон, в рамках которого происходит обозначение возникшего противоречия. Имеющийся материал свидетельствует о том, что на данном этапе коммуниканты обычно стремятся не допустить последующего развития конфликтной ситуации.

В редких случаях обозначение возникших противоречий в мягкой форме на предконфликтной стадии может привести к тому, что конфликт гасится, не развившись. Это можно продемонстрировать на примере разговора трех студентов, живущих в одной комнате общежития:

А. (дружелюбно). *Девоньки, может, будем не раз в неделю посуду мыть, а малян почаще?*

Б. *Ну, это не моя посуда.*

А. *Да я не тебе, я всем сразу.*

Б. *Ну, будем, конечно. И полы мыть тогда уж почаще.*

А. *Ну-ну. И, кстати, мне надоело, что, как только я сажусь за стол, вам всем сразу сюда тоже надо. Я на кровати – вы все по углам своим.*

Б. *Я за столом, когда печатаю что-то.*

- В. *Ну всем же места хватает!*
 А. *Ну как бэ тесновато, нет?*
 Б. *Я вообще в душ пошла, учитесь, рыбоньки мои.*
 А. *Ага, давай.*

Инициатором разговора используются тактика предложения (1-я реплика), формулировки вопросов, допускающие наличие другой позиции (*может, будем не раз в неделю...*; *ну как бэ тесновато, нет?*), лексические и грамматические формы с семантикой смягчительности (*маляк почаще, тесновато*), доброжелательное обращение *девоньки*, дружелюбный тон. Выражение недовольства сглаживает и деперсонализированность претензий (*я не тебе, я всем сразу*), включение себя в круг «ответчиков» (о чем свидетельствует форма *будем*). Упрек в нерациональном распределении места за рабочим столом не содержит оценок; единственный конфликтный маркер – *надоело*. Речевое поведение А. вызывает спокойное восприятие скрытой критики у собеседниц, в речи которых отмечены нейтральные тактики объяснения, непричастности и конструктивные тактики согласия, поддержки и развития предложения А. В результате конфликт снимается на начальном этапе.

В большинстве эпизодов конфликт развивается до открытого противостояния сторон, однако предконфликтный период демонстрирует ту же тенденцию попытки предотвращения прямого столкновения. В качестве одного из способов гашения РК в предконфликте встречается использование поиска компромисса, который мог бы снять возникшее противоречие:

- А. *Ты скоро ляжешь?*
 Б. *А что? Я вообще-то собиралась английский ещё поделать.*
 А. *Включи настольную лампу.*
 Б. *У меня глаза быстро устают.*
 А. *Может, тогда в учебку пойдёшь?*
 Б. *Да она же до одиннадцати работает!*

В дискомфортной для себя ситуации А. первоначально применяет тактику намека, выясняя намерения соседки по комнате, затем предлагает различные варианты компромиссного решения проблемы. Отклонение предложений все более недовольным тоном вызывает переход РК в следующую стадию.

Весьма распространенными в студенческом дискурсе оказались эпизоды, где как способ ухода от развития конфликта используется умолчание. Один из коммуникантов при этом демонстрирует недовольство либо выражением лица, либо речевым поведением – от отмалчивания, отстранения, неохотного и/или формального ответа на вопросы до полного прекращения общения, – отказываясь от объяснения истинных причин:

- С. демонстрирует «кислое» выражение лица.
 Л.: *Сделай лицо попроще, а.*
 С. молчит.
 Л. *Ты запарила злиться, если тебе не нравится что-то, так скажи, а то ходишь как не пришей кобыле хвост. <...>*
 С. *Да всё нормально.*
 Л. *По тебе и видно.*
 С. *Просто не надо меня трогать, я вам это триста раз говорила. Пропсихуюсь и сама приду к тебе.*

Число конфликтных маркеров в таких случаях минимально: это в основном недовольная мимика, неохотный тон ответов, односложные, клишированные фразы, отрицательные частицы. Хотя нарушение норм диалогического общения всегда воспринимается окружающими негативно, умолчание, как предполагает говорящий, также является формой сдерживания РК в латентной форме (*Не хочу я предъявлять вам никакие претензии, потому что толку с них нет и не будет.* <...> *Я решила: ладно, буду молчать. Если разговорами ничего не добьются, так уж и быть*). В подобных эпизодах наблюдается и другая, «парная» с умолчанием линия поведения участников диалога – призыв к откровенности. Она реализуется в серии вопросов или настойчивых просьб, направленных на выяснение причин ненормативного общения (*Ты не хочешь ни о чём поговорить?; У тебя что-то случилось?; Поделись, не держи в себе; Если тебе не нравится что-то, так скажи* и т. п.) и нормализацию отношений. Если собеседник настаивает, РК обычно переходит в открытую фазу с взаимным предъявлением претензий.

Часто студенты в предконflikте используют совокупность тактик, целью которых является смягчение предполагаемой негативной реакции участника РК. Данная линия речевого поведения встречается в тех случаях, когда говорящий осознает свою вину и пытается загладить ее, предвидя недовольство собеседника.

Для достижения этой цели виновником используются разные средства.

В некоторых конфликтных эпизодах виновная сторона прибегает к самооправданию:

Две студентки обсуждают вопрос празднования значимой для них даты.

С. *Мы сегодня будем делать что-нибудь или нет?*

Д. *В смысле? А ты уже не хочешь что ли?*

С. *Ну просто мне уже лень.*

Д. *(недовольно). Ну лень – давай не будем ничего делать тогда.*

С. *Я просто устала.*

Д. *Я же говорю, не будем тогда делать!*

Ожидая отрицательной реакции подруги, С. сначала вместо прямого отказа лишь намекает на свое нежелание выполнять договоренность, а затем пытается найти аргументы в свое оправдание – от малоубедительных (*мне уже лень*) до уважительных (*устала*).

Более четко коммуникативные намерения говорящего демонстрирует упредительное признание вины:

С. *(делает виноватое лицо). Я пришла попросить прощения.*

Т. *В смысле? Чё ты мне сделала?*

С. *Я твоим утюжком [аппаратом для выпрямления волос] выпрямилась. (Пауза.) Ты на меня обиделась?*

Т. *Я тебе разрешала?*

С. *Я вот и пришла извиниться.*

Т. *Лучше, по-моему, спросить до, а не извиняться после.*

Как можно видеть из примера, С. активно использует тактику извинения и соответствующие ей вербальные и невербальные маркеры: слова *извиниться, попросить прощения*, виноватое выражение лица.

Признанию вины может предшествовать невербальное действие в пользу собеседника, также направленное на заглаживание проступка:

Б. У меня для тебя две новости! С какой начать?

А. С хорошей давай!

Б. Я тебе распечатала по геоботанике. На, вот, держи. (Подает ей листы бумаги.)

А. Ой, пасибки, милая! (Рассматривает, после паузы.) А что за плохая новость?

Б. Я тебе сегодня очень плохое сделала.

А. Что именно? (Удивленно.)

Б. Я зеркало твоё разбила.

А. Ну... (Пауза.) Слов нет просто... Ну ты ваще! Как умудрилась-то?

Следует отметить, что использование приемов смягчения предполагаемой негативной реакции в какой-то мере достигает результата: вторая сторона конфликтной ситуации ведет себя в этих случаях достаточно сдержанно.

Особым случаем предконфликта является подготовка к неприятному разговору с предъявлением претензий собеседнику. В отличие от всех предыдущих случаев, установка на конструктивное общение при этом изначально отсутствует:

Н. Привет, чё делала? (Спокойным голосом.)

М. Да сижу, вяжу тут. (Продолжает вязать, не поднимая глаз на Н.)

Н. Надо поговорить. (Серьезный тон, низкий голос.)

М. Что такое? (Откладывает нити и спицы в сторону, смотрит в упор.)

Н. Знаешь, я от тебя никогда не ожидала, что ты будешь п*здеть про меня всяким левым людям!!! (Четко, на повышенных тонах.)

Начиная общение, Н. использует нейтральную интонацию, этикетную рамку стандартного приветствия и вопроса о делах, однако следующая фраза с резкой сменой тональности и многозначительное *надо поговорить* становятся прологом к началу острой фазы конфликта – обвинению.

Таким образом, для предконфликта характерно преобладание нейтральных тактик и языковых средств с вкраплением отдельных конфликтных элементов. Среди деструктивных тактик заметно привлечение завуалированных, содержащих намек на негативные смыслы: упрек под видом предложения (*может, будем посуду не раз в неделю мыть, а малян почаще?*), просьбы (*сделай лицо попроще*), обозначение дискомфорта под видом выяснения намерений (*ты скоро ляжешь?*) и т. п.; чаще используются конфликтные фонетические и грамматические маркеры, чем лексические. Их наличие свидетельствует о стремлении студентов к разрешению конфликтов.

Предконфликтная стадия является достаточно частотным элементом РК (50 случаев). В остальных эпизодах конфликт начинается непосредственно с **открытого противодействия сторон** – этапа, на котором разногласия коммуникантов обозначаются определенно и резко. Этот этап демонстрирует специфику реализации РК, в отличие от других видов диалогического взаимодействия. Используемые коммуникантами на данном этапе тактики, вербальные и невербальные языковые средства весьма разнообразны; деструктивное общение может поддерживаться обоими собеседниками или одним из них; в ходе конфликта возможна также мена деструктивных установок на конструктивные и наоборот. Развитие РК существенно зависит от личностных качеств участников общения и характера ситуации.

Вместе с тем характерными признаками этой фазы конфликта в студенческой коммуникации являются такие вербальные и невербальные средства, как повышение тона голоса, интонации возмущения, угрозы и т. п., конфликтогенные лексемы (грубая лексика, в том числе обценная, лексические и фразеологические единицы с резкой негативной оценкой), физические действия, направленные

на причинение вреда собеседнику, а также речевые тактики с сильным конфликтно-генным потенциалом (упрек, обвинение, блокирование, декларация, колкость и т. п.).

Этап открытого противодействия сторон может быть кратковременным и сводиться к обмену всего несколькими репликами:

В компании студентов девушка М. употребляет ненормативную лексику. Парень И. делает ей замечание:

И. *В нашей комнате девушкам материться нельзя.*

М. *Мне по*уй, что в вашей комнате нельзя. Хочу – матерюсь, хочу – матерюсь.*

И. *Уё*ывай отсюда и матерись, где хочешь.*

Однако наиболее распространенным (155 случаев против 16) является этап открытого противодействия с развернутым по времени конфликтным взаимодействием, где происходит постепенное нарастание напряжения либо с одной, либо с обеих сторон:

Съемная квартира. Девушка приходит домой, ее встречает парень, сваривший на ужин пельмени.

Д. (повышенный тон). *Блин, какого хрена?! Я же специально позвонила и попросила вареники!!!*

П. *Я же готовлю, я и выбрал!*

Д. *Да не буду я есть твои пельмени! Да ещё и на ночь! Ты вообще думал? Я не ем на ночь пельмени! Чё, так трудно было выполнить просьбу мою, что ли?*

П. *Слушай! Хватит! Готовь тогда сама! Достала уже! Всё не так! Одни запросы!*

Д. *Да пошёл ты! Ты никогда с моим мнением не считаешься! Постоянно так.* (Уходит в другую комнату.)

П. (кричит). *Да пошла ты на х*й!!! Ежедневные истерики!*

Д. *Даа? Ты уверен в своих словах?*

П. *Уверен!*

Д. *Ну тогда мне твоих извинений потом не надо.*

П. *Я и не собираюсь извиняться!*

В данном эпизоде Д. от эмоционального выплеска возмущения переходит к серии упреков (*Ты вообще думал?; Чё так трудно было выполнить просьбу мою что ли?*) и деклараций (*Я не ем на ночь пельмени!*). Первоначально использующий нейтральные языковые средства и объяснение П. (*Я же готовлю, я и выбрал!*) под воздействием агрессивного поведения собеседницы меняет тон и тактики общения (*Хватит! Готовь тогда сама! Достала уже!*). От несогласия по частному бытовому вопросу коммуниканты переходят к предъявлению общеповеденческих взаимных претензий (*Всё не так! Одни запросы! Ежедневные истерики! – Ты никогда с моим мнением не считаешься!*) с применением обценных посылов. Представленный пример демонстрирует типичную для студенческой коммуникации тенденцию к обрыву конфликтного эпизода на стадии эскалации.

На этапе открытого противодействия возможен и другой вариант диалогического общения с переходом от явной конфронтации к поиску компромисса:

А. *Может, вырубил свою долбанную музыку?*

Б. (агрессивно). *Чё ты сказала?*

А. Ну, музыка не долбанная, конечно, потому что я их [исполнителей] тоже люблю, но мы всей комнатой учимся вообще-то, а завтра к первой паре!

Б. Беруши уже не помогают? (Смеется.)

В. (входит в комнату). Чё музыка так орёт??? У кого со слухом тут плохо?

А. (к Б.). Нет, не помогают. И вообще поздно уже.

Диалог начинается с обмена агрессивными репликами, но затем А. меняет резко негативную оценку (*долбанную музыку*) на позитивную (*я их тоже люблю*), тон обоих коммуникантов переходит в спокойный, Б. шутит, А. подкрепляет претензии аргументацией (*мы всей комнатой учимся; завтра к первой паре; поздно уже*). Развитие противодействия сторон по линии деэскалации подготавливает почву для разрешения РК (Б. *Ну щас, последнюю песенку!* А. *Ок. И больше сёдня не включай, пожалуйста*). «Переходный период» сопровождает все эпизоды, в которых конфликт завершается конструктивно.

Ключевым этапом конфликтных эпизодов является **окончание конфликта** – композиционный элемент, демонстрирующий итоги обсуждения возникших противоречий.

В студенческой коммуникации отмечены несколько типов окончания конфликта.

Уход – акциональный тип окончания конфликта, сопровождающийся невербальным действием собственно ухода из пространства, где произошел РК (может добавляться демонстративное хлопанье дверью) и коммуникативно значимым молчанием со стороны либо одного, либо обоих собеседников. В большинстве эпизодов встречается уход как демонстрация протеста или обиды:

А. недовольна тем, что Б. отказывается выключить музыку в ночное время.

А. *Если ты сейчас не вырубшь её [музыку], я пойду жаловаться старосте этажа.*

Б. *Да пожалуйста!*

А. уходит, хлопая дверью.

Уход всегда маркирует деструктивное завершение конфликтного эпизода.

Прекращение общения – разновидность завершения конфликта, при которой участники РК остаются в одном пространстве, однако коммуникация между ними прекращается. В большинстве конфликтных эпизодов такое речевое поведение является следствием невозможности договориться. Данная разновидность окончания является деструктивной и наблюдается в ситуациях, когда говорящие не могут ни прийти к общему мнению, ни отстоять собственную точку зрения:

Л. нашла рекламу дешевых аттракционов, но оказалось, что та уже недействительна.

Н. (повышенным тоном). *Пи*дец! Какого х*ра мы весь день просидели?!*

Л. (кричит). *Я тут причём?*

Н. (кричит). *Чё орёшь-то?!*

Л. (повышенным тоном). *А ты чё орёшь? Я как будто виновата! Мне С. три дня назад эту бумажку дала! Я её в сумку кинула и забыла!*

Н. *Ну и нех*р орать!*

Л. (повышенным тоном). *Слушай, ты сама первая орать начала! За собой сначала последи! Как ты со мной разговариваешь, так и я с тобой!*

Девушки перестают разговаривать друг с другом.

Собеседницы предпочитают завершить разговор, так как его продолжение не имеет смысла и способно только еще сильнее обострить конфликт. Тем не менее примирения между ними не происходит.

Более редкий случай – прекращение общения как уступка. Эта разновидность окончания РК имеет некоторый уклон в конструктивную сторону:

А. и Б. подшучивают над В.

Б. *Вахаха, видишь, В., – ты точно бабушка!*

В. *Хватит, а уже!? Постоянно какие-то приколы, как будто я клоун вам. Надоело уже.*

А. *А чё такого? Я просто сказала, что моя бабушка не пьёт! И всё!*

В. *Достали уже, прикалывайтесь над кем-нибудь другим!*

А. и Б. переглянулись и замолчали. Все сидят молча.

В отличие от предыдущего эпизода, в данном случае собеседники А. и Б. прекращают разговор, потому что после негативной реакции В. начинают осознавать свою вину перед ней. Хотя видимого примирения сторон не происходит, вероятность достижения более гармоничного общения в перспективе выше, чем при собственном деструктивном прекращении коммуникации.

Отстранение – тип окончания РК, при котором коммуниканты при формальном согласии тем не менее демонстрируют скрытый дискомфорт:

Соседки А. и Б. не сошлись во мнениях, с чем делать салат оливье. В дальнейшем разговор переходит на обсуждение того, чье мнение в комнате учитывается, а чье – нет.

А. *Так мы не будем делать салат?*

Б. *Я не буду его ни делать, ни есть, спасибо!*

А. *Ты чё такая нервная? Было б из-за чего!*

Б. *Ладно, давай забудем. Но салат мне не предлагай!*

А. *Хм. Ну как хочешь!*

Формально соглашаясь с правом Б. отказаться от приготовления салата, А. тем не менее недовольна ее отказом. Конфликт остается неразрешенным. На примере представленного эпизода можно отметить, что отстранение чаще всего маскируется под договоренность сторон при сохранении внутреннего несогласия одного или всех участников конфликта. Согласие формулируется через фразы *как хочешь, как знаешь* и слова *ладно, ок, угу* и т. п., а скрытый дискомфорт обозначает особая интонация. Обычно свидетельствует о деструктивном завершении конфликтного эпизода.

РК, разрешающиеся конструктивно, на материале конфликтных эпизодов выявляются реже.

Смена темы – тип окончания, в рамках которого один собеседник стремится отвлечь другого от предмета конфликта, переключиться на нейтральную или позитивную линию общения:

Студентка С. обижается на свою подругу Л. за то, что та отказывается весело провести с ней время, мотивируя это отсутствием денег.

Л. *Как только у меня будут деньги, мы обязательно весело проведем время.*

С. *Бляяяяя.*

Л. *Ну, всё. Пошли кушать.*

Как правило, в этом случае применяется тактика предложения.

Собственно конструктивным типом окончания РК является *договоренность сторон*, в рамках которой коммуниканты находят общую позицию для разрешения конфликта. Договоренность выражается через применение обеими сторонами конфликта конструктивных тактик просьбы, предложения или извинения с реакцией в виде согласия и соответствующих им маркеров: просительной интонации, этикетных формул *пожалуйста, прости*, лексем *окей* или *ок, хорошо, ладно, договорились* и т. п.:

Б. *Давайте так: я вас не трогаю – и вы меня. Окей?*

А. *Договорились!*

О. *Хорошо, я помою [грязную посуду]. Но завтра утром. До завтра, я уверена, ничего не появится.*

В. *Ну ладно.*

А. *Прости, я просто думала, как сделать [и потому молчала]. Я не хотела тебя обидеть.*

Б. *Да ничё.*

В ряде конфликтных эпизодов была выявлена особенность композиции, когда конфликтное взаимодействие прерывается на некоторое время, а затем продолжается вновь. При этом общение между собеседниками полностью прерывается. Практически во всех подобных эпизодах один из собеседников после окончания конфликтного взаимодействия пытается наладить отношения с партнером по коммуникации. В большинстве случаев эта попытка вызывает ответную положительную реакцию собеседника:

Студентка К. обиделась на свою соседку Н. за то, что та не разбудила ее на занятия. Они ссорятся; первая часть конфликтного эпизода завершается уходом К.

Вечером того же дня:

Н. *Ты прости, что не разбудила. Я не люблю чувствовать себя обязанной кому-то. Ты пропустила что-то важное?*

К. *Да. Ладно, проехали. Я тоже сорвалась. Извини.*

Смена финала РК с деструктивного на конструктивный, как правило, возникает, когда говорящие берут паузу для обдумывания дальнейших действий. Это говорит о том, что студенты готовы делать уступки собеседникам.

Как было отмечено выше, окончание в речевых конфликтах студенческой коммуникации чаще отсутствует и конфликтные эпизоды обрываются на этапе открытого противодействия. В тех случаях, когда можно выделить окончание как композиционный элемент (138 эпизодов), маркирующие конструктивное разрешение конфликта договоренность сторон (34) и смена темы (6) выявляются достаточно редко. Чаще встречается деструктивное разрешение конфликтных ситуаций – уход (58 случаев), прекращение общения (16), отстранение (13). Если отстаивание собственной позиции не приводит к желаемым для участников коммуникации результатам, они предпочитают завершить общение. Несмотря на то, что примирения сторон не происходит, данные типы окончания нельзя рассматривать однозначно. Думается, что и уход, и прекращение общения, и прерывание конфликта на стадии эскалации без окончания направлены на недопущение дальнейшего развития РК, так как студенты часто вынуждены сосуществовать со своими собеседниками и не имеют возможности изменить ситуацию.

Постконфликтный период представляет собой любые диалогические взаимодействия, происходящие после завершения непосредственного столкновения

сторон и связанные с эмоциональным и/или рациональным осмыслением возникшей ситуации. Будучи факультативным элементом композиции РК, постконфликт присутствует редко (5 случаев). При низкой частотности постконфликтное взаимодействие весьма разнообразно. Участники конфликта в отсутствие другой стороны могут обсуждать между собой причины поведения собеседника:

- А. обижается, что подруги не позвали ее смотреть фильм, и уходит.
С. *Она опять псих.*
Л. *Я вижу.*
С. *Почему?*
Л. *Просто ей обидно. Она боится потерять нас.*

Иной случай постконфликта – поиск коммуникантом пути решения проблемы, обращение к наблюдателям конфликтной ситуации с имплицитной просьбой подержать его точку зрения:

Студенты собирают деньги на цветы преподавателю. К. отказывается платить, обвиняя одноклассников в возможном присвоении части большой суммы, и выходит из аудитории. Собиравшая деньги староста Д. и С. продолжают разговор.

- Д. *С., ты это видела?*
С. *Мда... с ней лучше не связываться.*
Д. *Да понятно, но кто платить будет? Надо, чтобы все сдали, иначе мы не купим.*
С. *Может, ещё с ней поговорить?*
Д. *Не знаю... с этой дурой только на матах разговаривать...*

Таким образом, композиционная организация является важной характеристикой конфликтного эпизода. Четкая структура РК выдерживается далеко не всегда. Эпизоды могут отличаться как по длительности конфликтного взаимодействия, так и по наличию/отсутствию тех или иных его частей. Границы между этапами РК нередко достаточно размыты.

Структура конфликтного эпизода в целом демонстрирует две противоположные тенденции в речевом поведении студентов – отставание собственной позиции и попытка прийти к компромиссу с собеседником.

Наличие такого элемента композиции, как предконфликт, демонстрирует желание не допустить развития конфликтной ситуации или хотя бы обозначить, что это возможно. Отсутствие предконфликтного этапа в большинстве эпизодов студенческой коммуникации (в 121 случае из 171) говорит о неуважении участников коммуникации к своим собеседникам, стремлении доказать свою точку зрения любой ценой, об общем низком развитии речевой культуры и недостаточном освоении навыков эффективного общения.

Ядерным элементом композиции конфликтных эпизодов, встречающимся в большинстве диалогов, является открытое противодействие сторон. Данная композиционная часть отличается разнообразием деструктивных речевых тактик и языковых средств; для студенческой коммуникации типично широкое использование ненормативной лексики и фразеологии, встречается применение физического воздействия, в том числе лиц мужского пола по отношению к девушкам.

Наиболее важным композиционным элементом конфликтного эпизода можно считать окончание, так как оно свидетельствует о конструктивном или деструктивном разрешении конфликта. В конфликтных эпизодах студенческой коммуникации чаще выделяются деструктивные типы окончаний, что говорит о нежелании студентов идти на компромисс с собеседниками, однако те же самые типы окончаний сигнализируют о стремлении не допустить дальнейшего развития кон-

фликтной ситуации. Неумение владеть приемами эффективного общения обуславливает тот факт, что студентам в ситуации, когда конструктивное разрешение конфликта не представляется возможным, проще выйти из конфликта, прекратить общение или даже покинув пространство развития конфликтной ситуации, чем достигнуть компромисса и гармоничного общения.

Список литературы

- Анциупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2009. 512 с.
- Белоус Н. А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: Семантические и прагматические аспекты. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 53 с.
- Болохонцева Н. М.* Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2011. 22 с.
- Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
- Гулакова И. И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 20 с.
- Мулькеева В. О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 190 с.
- Третьякова В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 35 с.

Z. V. Chernykh

Compositional elements of conflict episodes in student communication

The paper analyses conflict episode composition on the material of spontaneous student speech. The main composition parts of conflict episode: the pre-conflict period, the start of the conflict, the open opposition, the end of conflict, the post-conflict period are considered. The specificity of every speech conflict stage: its functions, speech tactics, verbal and non-verbal means of language is revealed. The analysis has showed that conflict communication of students has a wide range of ways to prevent or stop a conflict but there is still the prevalence of destructive speech interaction. Due to the low level of speech culture and the lack of effective communication skills in the sociolinguistic group, the typical result of communication conflict is not an agreement of the parties of the conflict but various forms of postponing or interrupting the conflict to prevent it from further escalation.

Keywords: speech conflict, speech conflict stages, speech tactics and strategies, student communication.

DOI 10.17223/18137083/55/19